

Даха Тараторина

Аир

ХОЗЯИН БОЛОТ

ПЛЕЙЛИСТ

1. «Сны саламандры» — «У хозяина болота»
2. Игорь Наджиев — «Я боюсь этой тьмы...»
(из к/ф «Мушкетеры двадцать лет спустя»)
3. Joseph Trapanese, Joey Batey — «Burn Butcher Burn» из «The Witcher: Season 2»
4. Chagunava — «Золотой домик»
5. Maneskin — «La parole lontane»
6. Green Apelsin — «Проклятье русалки»
7. BALKON — «Ведьмы»
8. Sofya Scar — «Царевич мой»
9. «Сны саламандры» — «Лихо»
10. Mandy Dickson — «Never Enough»
11. Женя Любич — «Ритуальная»
12. Марко Поло — «Дикая мята»
13. «Мельница» — «Любовь во время зимы»
14. Uma2rman — «Ночь на Ивана Купалу»
15. Fleur — «Формалин»
16. «Король и Шут» — «Воспоминание о былой любви»
17. «Харизма» — «Узнай меня»
18. Bob Dylan — «Knockin' On Heaven's Door»
19. «Сурганова и оркестр» — «Я теряю тебя»

ГЛАВА 1

БОЛОТО

ДЕВИЦА ШЛА по топкой болотистой тропе босая и простоволосая. Ступни вязли в мягких травах, тревожили мох. Безлунная ночь гладила озябшие плечи, покрытые лишь рубахой, вышитой знаком вспаханной земли, — узор невесты. Сменит суженая девичий убор на платок мужней бабы, узлом вперед, так и вышивку надобно будет сменить: вспаханное поле — на засеянное, призывающее достаток в семью и предрекающее здоровых и крепких деток новобрачным. Вот только Ивушка не грезила синим узором на рубахе вместо алого. И достатка не желала, и деток тоже. Не от того, кого назвали суженым родичи.

— Матушка, родная, — шептала девица, утирая горючие слезы, — неужто я чем тебя прогневила? Неужто праздничный хлеб в моих руках не подходил, неужто непрочной выходила нить на пряже? За что? За что?!

Тропка истончалась, уводя Иву все дальше от деревни, но девица не останавливалась. Шла... бежала, как от самого горького горя! Лишь бы не узнали, не поймали и не воротили... Лучше заплутать в лесу, в болоте сгинуть, чем ступить под брачный

венец вместе с нелюбимым. Девушка закусала палец, чтобы не взвыть, подобно волку. Кому другому суженый мог бы прийтись по нраву. Невысок, но статен, что греха таить. Первый мастер на деревне. Богат... В том-то и беда!

— Батюшка, родный! Неужто не прокормил бы дочурку? Старшего сына женил, да на хорошей семье! Среднего пристроил... Почто младшенькую дуреху отдаешь?

Но тот и слушать не желал уговоры и просьбы. Шлепнул за вечерей ладонью, да спасибо по столу, а не по зареванным щекам:

— Ты мне, Ива, не перечь! Сегодня люблю, завтра не люблю... Придумала тоже! Сказано — замуж. Стало быть, пойдешь за кого сказал.

И ведь не за беззубого старика сговорили. Не за малолетку, который под стол пешком ходит. Одна беда: лучше за Хозяина болота, чем за красавца-кузнеца. Хозяин болота не неволил Ивушку в урожайную ночь, не валил наземь, не задирает подол... Да не посмеивался после, подвязывая пояс. Узнает кто — засмеют. Не дадут проходу опозоренной, не позволят глаз поднять. Лучше в омут с головой. Лучше в черноту болота юркнуть, спрятаться навек от злословия.

Подол белоснежной рубахи измарался в грязи, острые ветки цепляли ткань, оставляя полосы — темные и грязные. Почти такие же, как те, что появились на запястьях у Ивушки наутро после урожайной ночи. Она прятала их от батюшки с матушкой, а и не стоило бы. Надо было под нос сунуть: нате! Вот как хорош ваш жених! Нынче не поверят... Сколько времени уже минуло. Скажут, выдумала! Дура девка...

Огни и запахи деревни давно потонули в непроглядном мраке деревьев. Тянуло от недоброго места могильной сыростью и железом. «Не ходите к болоту! — учила старая бабка Иву с братьями сызмальства. — Утащит Хозяин — век не сыщем!» И Ива слушалась. Хоть и манила дорожка из ягод спелой клюквы и брусники, хоть и росли всегда у болота самые крупные да крепкие грибы, но незримую границу девка не пересекала. До сего дня. Нынче чудовище из бабкиных сказок страшило ее всего меньше.

Бескрылая тень мелькнула перед лицом, как бы упреждая, прогоняя из гиблого места. Ива отшатнулась, вскрикнула да и упала навзничь, уцепившись за корягу, ободрав локти. Алое на зеленом — капли крови окрасили мох. Казалось бы, что еще нужно? Сами боги ограждают и гонят! Неужто лесные чудища милее красавца-жениха?!

Ивушка поднялась, промокнула рукавами расшибленные локти и упрямо двинулась вперед. Под ногами стало мокро, зачавкала земля, готовая проглотить глумную девку, порскнули в стороны лягушки. Заухали совы: беги, беги, пока не поздно! Спасайся!

Вот и болото. Черное око его слепо таращилось в нанизанное на хилые деревца небо. Ива сделала неосторожный шаг, и обманчиво твердая земля провалилась, заглатывая ноги по колено.

— Мапочки!

Визг захлебнулся в сытом чавканье трясины. Молиться бы всем богам, звать на помощь... Но коль уж решился, отступить негоже. Ива стиснула зубы, стараясь не думать о ледяной пустоте, облизывающей ступни.

Правда ли, нет ли, но бабка сказывала, что когда-то в болото уходили несчастные девки да бабы. Кто остался вдовой, кто не сумел соединиться с любимым в этом мире. Или вот, как Ива, кто не желал замужества.

— Забери меня, Хозяин болота. Стану тебе бездыханной невестой, стану бледной тенью и верной женой с недвижными руками. Станут волосы мои зелены, а ноги прорастут осотом. Только забери к себе, защити!

И тут болото... задышало. Черная вязкая жижа всколыхнулась, запузырилась, точно под нею бродил утопленник, пошла буграми. Ива закрыла рот узкой ладонью, чтобы не закричать, но все равно заскулила, как подбитая псица. Трясина ожила, перекатывалась волнами, которым здесь, в безветренной чаще, взяться было неоткуда. Заросли ряски треснули, выпуская на волю нечто жуткое, голодное, одинокое...

Тишина резала уши. Не переговаривались лягушки, не шептались деревья, не шуршали крыльями птицы. Все замерло в ожидании рождения нового, неизведанного. А потом болото застонало. Болезненно, дико. Стон проникал под кожу колючими иглами. Черная вода собралась к центру и приподнялась, подобно кочке. Кочка стала расти — выше, выше, еще... Вот уже черное нечто в человеческий рост стояло посреди топи, как на сухом. Вот оно двинулось к Иве.

Девушка рванулась, но трясина лишь крепче ухватила: попалась! А Хозяин болота приближался, тянулся к ней, единственному источнику живого тепла в этом гиблом месте. Он подходил ближе и ближе, все боле становясь похожим на человека.

Черное и страшное замерло совсем рядом: коснуться можно. Но касаться его не хотелось. Затянет, проглотит, превратит в ничто.

— Я пришла к тебе по доброй воле, — пролепетала Ива.

Нет уж, она не станет молить о пощаде. Она точно знает, что есть чудища пострашнее этого.

Хозяин затрясся от беззвучного смеха и поднял руки... подобие рук. С усилием провел ими по туловищу сверху вниз, словно омываясь. Черная жижа стекла, обнажая силуэт. Почти человеческий, почти осязаемый. Он был худ и высок. Бледен, наверное, почти так же, как попавшая в ловушку Ива. По его груди и спине, по коже, не видевшей солнца многие десятилетия, густыми каплями ползла черная вода.

— Невеста, — усмехнулся Хозяин болота. — Что ж, будешь моей невестой.

Он наклонился к ней, прижался черными губами к губам, оставляя после себя привкус плесени, потянувшись обнять... И без того едва различимый зеленоватый свет болотных огней померк, а Ива осела наземь, окончательно распрощавшись с рассудком. Глупая упрямая девка.

* * *

Глаза слепо таращились в слишком яркое небо, но закрыть их не было моченьки. Широко раскинутые, руки и ноги озябли без движения, а рубаха насквозь пропиталась вонючей болотной жижей. Любопытная стрекоза покружила перед бледным девичьим лицом, унеслась, вернулась и аккуратно пристроилась на кончике носа. Ива чихнула и села. Огляделась. Рассветное солнце заливало опушку,

отгоняя тьму под укрытие орешника, покамест не высохшая роса сверкала на траве драгоценными камнями, а ночная мошкара искала укрытие от надвигающейся жары.

Девушка сидела на краю леса продрогшая до костей. Да только не один холод заставлял ее плечи дрожать: там, позади, в чаще, затаилось нечто. Оно не смело выйти на солнечный свет, но Иве чудилось — следит, не уходит. И уж точно не по волшебству она очутилась здесь. Кто-то принес. Помнила ведь, как брела по истончающейся тропке к болоту, как призывала Хозяина в защитники, как он... Ива охнула и схватилась за голову:

— Что натворила, дуреха?! Беду накликала! И ладно бы только на себя...

Хозяин болота не принял жертву. Трясина выплюнула нерадивую невесту, да к тому ж доставила, почитай, к самой деревне. Вон, если приглядеться, уже и избы видать, и большой колодец, обложенный голышами, у околицы.

— Что же теперь будет? — прошептала девушка.

По затылку огрела шальная мысль: воротиться. Но не в деревню, а обратно к толям. Хотела сплунуть, так иди до самых Огненных врат на тот свет! Но отец Небо уже прогнал ночную мглу, вывесил на радость людям солнечный диск. Нынче беспросветное горе, погнавшее Иву в запретную чашу, казалось не таким уж и страшным. Ну, бухнется на колени перед матерью, ну, повинится... Простит! Обязательно простит и неволить не станет! А вот что сделает с добычей Хозяин болота и доведется ли уберечься от него вдругорядь, одним богам известно.

Ива поднялась на занемевшие ноги и поспешила вниз по холму, покуда соседи не успели высыпать

на улицу. Не хватало еще позориться перед добрым людом, щеголяя в грязной рубашонке!

Бежать пришлось бегом, приподняв мокрый подол, чтобы не лип к коленям. Пospеть бы к колодезцу, пока кто-нибудь не вышел за водой!

Ива перегнулась через каменный бортик, вытягивая отяжелевшее ведро, плеснула колодезной водицей в лицо, изгоняя жуткое ночное видение. А может, примерещилось? Потеряла девка сознание от холода и кручины да нагладелась кошмаров — вот тебе и Хозяин болота... Правду молвят: у страха глаза велики. Да и откуда бы светлым днем взяться силам у ночных кошмаров? День — время забот. У Ивы коза недосна, а стадо уже вот-вот погонит в поле пастух; куры некормлены, да и водицы из этого самого колодца не мешало бы натаскать. Ива напоследок взглянула на застывшее в водной глади отражение... и обомлела.

В растрепанной косе, прежде черной, как уголья в печи, появилась цветная прядь. И ладно бы седая! Немудрено: натерпелась страху, пусть и во сне, да и поседела враз. Случается, хотя и редко. Нет! Прядь была зеленой, точно болотная тина.

ГЛАВА 2

НЕЛЮДЬ

ПРОШМЫГНУТЬ МИМО дотошной бабки Заи, которая видит и знает все, хотя и из избы почти не высовывается; подлезть под знакомую сызмальства отстающую досочку в заборе; резво перепрыгнуть через грядки — и в хлев, схорониться. Ива прижалась к бревенчатой стене, с трудом переводя дух. Любопытная рябая коза сразу потянулась к хозяйке.

— М-м-ме? — По делу ли пришла?

Девушка потрепала ее по морде, почесала между рогами, больше сама успокаиваясь, чем утешая Рябинку. А та вдруг припала на задние ноги и испуганно замотала головой.

— Ну что ты, милая? Тише, тише!

Но Рябинка только сильнее взбеленилась: встала на дыбы, заблеяла, заметалась по тесному уголку между кормушкой и стеной, едва не проломив себе выход наружу.

— Да ну что ты?!

Ива с трудом словила беснующуюся животину. Обыкновенно смирную козочку и привязывать-то не приходилось, но нынче та словно соловьиного цвета обьелась — одурела. Только спутав ей веревкой задние ноги, удалось опустошить отяжелевшее

вымя, но коза все равно косилась на доярку выпученными, полными непонимания глазами. А потом улучила момент и... ап!

— Ах ты ж гадина!

Едва успев увернуться от острых рогов, девка расплескала половину молока из чашки. Коза же с победоносным видом принялась жевать вырванный лоскут рукава.

Ива в сердцах замахнулась на нахалку: окончательно рубашку испортила! Разве заплатку положить... Но втайне порадовалась возможности избавиться от пропитанной болотным духом одежды. Вон, даже зверье шарахается! Небось так просто не отстирать. Благо в хлеву извечно валялись ненужные тряпки: то матушка платок обронит, то прохуdivшийся мешок сховает, пожалев выкинуть. Тем Ива и спаслась — спрятала волосы под одним лоскутом, на бедра повязала другой, побольше. Срам спрятать сгодится.

Дальше все пошло своим чередом: покормить да выгнать болтушек-курей, выволочь упирающуюся Рябинку за забор (едва успела пристать к остальному стаду!). Стоило еще вывести пощипать травки Серка, но жеребчик может и потерпеть, покуда хозяйка переоденется, поэтому Ива направилась к дому.

Там удача и кончилась. Избежать внимательного материного взгляда не вышло. Мать суежилась в кухне, вынимая из печи с вечера поставленные томиться горшочки. Она утирала потный лоб и натужно пыхла. Топить избу в середине лета — дело непростое. Но на уличных очажах готовить такое важное блюдо нельзя — на закате ждали сватов. Потому-то Ива и маялась всю ночь, потому за-

ливалась слезами. Ведь если все пройдет так, как угодно родичам, минула последняя ночь свободной девицы.

Ива замерла на пороге, чего делать ни в коем случае не следовало: недобрая примета! Надо бы осторожно переступить его, дабы не потревожить границу миров, и без того зыбкую для невесты. Но учуявшей запахи праздничной снеди девушке было не до примет. Быть может, она ждала, что смотрины обернутся кошмарным сном, каким оказался Хозяин болота? Надеялась, что сговор забудется, а поганый кузнец с сильными, не справиться девке, руками спинет, как талый снег? Еще как надеялась! Да обманулась...

— Дитяtko! Ты что же это?! — Матушка подбежала и сдернула Иву с порога. Подхватила метелку из гибких березовых веточек и поспешила подмести границу, покуда злые духи не ухватили доченьку за пятку.

Ива же только переводила взгляд с матери на печь и обратно. Не привиделось, не приснилось. Все въяве. И кузнец с сильными руками действительно заберет ее из отчего дома, чтобы... чтобы сотворить такое, о чем Иве невмоготу вспоминать.

— Ивушка! — Выпроводив незримую нечисть за порог, Лелея развернулась к дочери. — Ну что же ты, милая? Рано плакать покамест! Вот как плакальщиц перед свадьбой созовем, так и... Доченька!

Ива заплакала пуще прежнего. Не со всхлипами и мольбами: то уже было, да не помогло. Она плакала тихо и не шевелясь. Только крупные и почему-то холодные капли катились по бледным щекам.

Женщина едва успела подхватить крынку с парным молоком, выскользнувшую из ослабевших

пальцев дочери. Отставила и обняла младшую любимицу. Так они и стояли: совсем не похожие, будто и не родные вовсе. Лелея — румяная, округлая, загорелая. И Ива — бледная тень матери, с рождения худая и слабенькая, с тонкой кожей, что покрывалась красными пятнами на солнце. Будто и не деревенская девка вовсе, а слабенький отпрыск заезжего купца. Быть может, потому отец всегда и был строг: братья-то точно в родителей. Один отцовская копия, второй — мать. И только Иву ровно подкинули... Кабы не старая бабка, сразу после рождения дитятки узревшая в ней сходство с покойной сестрицей, и вовсе решили бы, что подменыш в семью попал. Не ровен час, еще прикопали бы где-нибудь за ручьем, чтобы в деревню не воротился.

— Ну? — Лелея отстранилась. — Разве можно так рыдать? Неужто, — хитро подмигнула она, — так страшишься супружеского ложа?

«Ох, маменька, — горько подумала Ива. — Чего мне уже там страшиться?»

А Лелея продолжала:

— Так это ты одна у нас такая скромница! Братья сызмальства от мальчишек ограждали, вот ты ни с кем и не водилась. А подружек спроси: каждая если не урожайной ночью успела с кем помилиться, так хоть в баню одним глазком подсмотрела! Было бы там чего пугаться!

И верно. Урожайной ночью каждая успела до стога прогуляться с любимым. А иной раз и не с любимым вовсе, а просто с приглянувшимся молодцем. Как еще славить землю, готовить поля к посевам? Только прославляя любовь! Испокон веков так повелось. И девки с парнями, собираясь на

праздник, точно знали, зачем идут, и никто не судил их в эту ночь. В любую другую в году косы бы обрезали за распутство, но не в урожайную.

А после праздника случались и свадьбы. Иные, впервые встретившись при свете костров, уже не расставались. Другие же, напротив, расходились, чтобы никогда не встретиться. И дети тоже случались, да. И все знали: зачатым этой ночью счастливым во всем станет сопутствовать удача. Бойко, старший братец Ивы, таким и уродился. Не зря небось женился на городской красавице да был принят в ее семье как родной.

Все знали, как веселится молодежь в урожайную ночь. Знала и Ива, когда шла на праздник. Знала — и не боялась. А чего бояться? Есть милый друг, кузнец Бран, он от кого угодно оборонит: от дикого ли зверя, от человека... Одно-го Ива не знала: что зверь и человек могут быть единым целым.

Ива и правда была скромна. Многие девки шли на поляну за деревней и вовсе нагишом, скидывая одежду, как только закрывались деревенские ворота. Ива же отправилась в рубахе. В белоснежной, тонкой, собственноручно вышитой. И все одно ощущала, будто непотребство творит. Она тогда замялась у околицы, переминаясь с ноги на ногу: земля только-только успела принять в себя первое тепло, в оди-ночку не согреешься.

— Уж не меня ли ждешь, девица? — прошептал кто-то над ухом, оплетая ее руками за пояс.

Ива дернулась, не сразу узнав грубые пальцы кузнеца.

— Здравствуй... — прошептала она, не решаясь обернуться.

— Заждалась? — скользнул он губами по шее.

